

УДК 343.9:328.185

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.12.2018.4.720-729>

С. М. ИНШАКОВ¹

¹ *Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия*

КОРРУПЦИЯ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ТЕОРИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Иншаков Сергей Михайлович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры национальной безопасности и правоохранительной деятельности Института международного права и правосудия, Московский государственный лингвистический университет

Адрес: 119034, г. Москва, ул. Остоженка, 38, стр. 1, тел.: +7 (495) 637-55-97

E-mail: info@linguanet.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6412-4633>

Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/R-1384-2016>

Цель: рассмотрение теории национальной безопасности как методологической основы исследования коррупции.

Методы: диалектический подход к познанию социальных явлений, позволяющий проанализировать их в историческом развитии и функционировании в контексте совокупности объективных и субъективных факторов, который определил выбор следующих методов исследования: формально-логический, сравнительно-правовой, социологический.

Результаты: в работе исследуются базовые подходы противодействия коррупции, проводится типология стратегий антикоррупционной деятельности: а) инертная стратегия; б) выборочная стратегия; в) стратегия соглашения; г) зональная стратегия; д) региональная стратегия; е) стратегия тотального очищения общества от коррупции. Инертная стратегия не предусматривает принятия действенных антикоррупционных мер. Выборочная стратегия отличается от инертной лишь тем, что неэффективные антикоррупционные меры сочетаются с выборочным привлечением к уголовной ответственности некоторых высокопоставленных должностных лиц. Стратегия соглашения основана на заключении государственным руководством явной или завуалированной договоренности с политической и экономической элитой страны о коррупционных пределах, выход за которые может повлечь ответственность. Зональная стратегия основана на существенном очищении от коррупционных проявлений отдельных сфер социальной жизни (сферы обеспечения государственной безопасности; сферы обеспечения обороны; некоторых отраслей промышленности и др.).

Региональная стратегия предполагает значительное очищение от коррупции отдельных регионов (районов, областей, краев, республик). В определенном ракурсе региональная стратегия может рассматриваться как подготовительная фаза реализации стратегии тотального очищения общества от коррупции. Стратегия тотального очищения общества от коррупции – путь к социальному идеалу. Реализация ее требует определенных социальных предпосылок, политической воли и политического искусства. Антикоррупционная практика, основанная на стратегии тотального очищения общества от коррупции, детерминирована определенной социально-политической логикой.

Научная новизна: в работе впервые рассматриваются фундаментальные стратегии социального противодействия коррупции, их типологии, анализируется алгоритм государственного противодействия коррупции, факторы эффективности борьбы с коррупцией, прогнозируются перспективы антикоррупционной деятельности государственных органов и гражданского общества.

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной и педагогической деятельности при рассмотрении вопросов, связанных с противодействием коррупции.

Ключевые слова: диалектика противодействия коррупции; коррупция; теория национальной безопасности; стратегии антикоррупционного противодействия; факторы эффективности борьбы с коррупцией

Конфликт интересов: автором не заявлен.

Как цитировать статью: Иншаков С. М. Коррупция через призму теории национальной безопасности // Актуальные проблемы экономики и права. 2018. Т. 12, № 4. С. 720–729. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.12.2018.4.720-729>

S. M. INSHAKOV¹

¹ Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

CORRUPTION THROUGH THE PRISM OF THE THEORY OF NATIONAL SECURITY

Sergey M. Inshakov, Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of National Security and Law Enforcement of Institute for International Law and Justice, Moscow State Linguistic University
Address: 38 Ostozhenka Str., building 1, 119034 Moscow, tel.: +7 (495) 637-55-97
E-mail: info@linguanet.ru
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-6412-4633>
Researcher ID: <http://www.researcherid.com/rid/R-1384-2016>

Objective: to consider the theory of national security as a methodological basis for the study of corruption.

Methods: dialectical approach to the cognition of social phenomena, allowing to analyze them in the historical development and functioning in the context of a set of objective and subjective factors, which determined the choice of the following research methods: formal-logical, comparative-legal, sociological.

Results: the paper investigates the basic approaches to corruption counteraction and presents the typology of anti-corruption strategies: a) inert strategy; b) selective strategy; c) agreement strategy; d) zone strategy; e) regional strategy; e) strategy of total purification of society from corruption. The inert strategy does not provide for effective anti-corruption measures. The selective strategy differs from the inert one only in that ineffective anti-corruption measures are combined with selective prosecution of some high-ranking officials. The agreement strategy is based on the state leadership's an explicit or veiled agreement with the political and economic elite of the country on the corruption limits, going beyond which may entail liability. The zonal strategy is based on a significant cleansing of certain spheres of social life from corruption manifestations (the sphere of state security, the sphere of defense, some industries, etc.).

The regional strategy involves a significant cleansing of certain regions from corruption (districts, regions, territories, republics). In a certain perspective, the regional strategy can be considered as a preparatory phase for the implementation of the strategy of total purification of society from corruption. The strategy of total purification of society from corruption is the way to the social ideal. Its implementation requires certain social preconditions, political will and political art. Anti-corruption practice based on the strategy of total purification of society from corruption is determined by a certain socio-political logic.

Scientific novelty: for the first time, the paper examines the fundamental strategies of social corruption counteraction and their typology, analyzes the algorithm of state corruption counteraction, the factors of corruption counteraction efficiency, and predicts the prospects of anti-corruption activities of state bodies and civil society.

Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used in scientific and educational activities in considering the issues related to corruption counteraction.

Keywords: The dialectics of anti-corruption; Corruption; Theory of national security; Strategy of corruption counteraction; Factors of corruption counteraction efficiency

Conflict of Interest: No conflict of interest is declared by the author.

For citation: Inshakov S. M. Corruption through the prism of the theory of national security, *Actual Problems of Economics and Law*, 2018, vol. 12, No. 4, pp. 720–729 (in Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.12.2018.4.720-729>

Введение

Коррупция как социальное явление привлекает внимание многих исследователей из самых разных областей знаний [1–10]. Не является исключением и теория национальной безопасности. Теория национальной безопасности – относительно новое научное направление. Главная задача, стоящая перед этой теорией, – поиск путей надежного обеспечения

безопасности личности, общества и государства. Исследовательский опыт показывает, что она обладает значительным методологическим потенциалом в плане проведения междисциплинарных исследований, ориентированных на поиск путей преодоления «не-разрешимых» социальных проблем. Одной из таких проблем является коррупция – явление, имеющее сложную социально-политическую, правовую, со-

циально-психологическую и психофизиологическую природу. Феномен коррупционной войны показывает, что корни ее в отдельных случаях следует искать в межгосударственных отношениях.

Коррупция является мощным фактором общественной дезорганизации, социальной дисгармонии. При достижении определенного уровня распространенности она становится угрозой национальной безопасности.

Этот феномен обладает высокой живучестью, приспособляемостью к антикоррупционным воздействиям – приспособляемостью, которая формирует много степеней защиты в отношении правовых мер. Особый механизм ее защиты заключается в том, что при значительном распространении она поражает социум, подобно раковой опухоли с большим числом метастазов. При этом, когда государство прибегает к антикоррупционной «химиотерапии», вред от этой процедуры может превышать ее пользу. Масштабность коррупции, тотальное проникновение ее во все сферы социальной жизни (то, что мы сравнивали с метастазами) начинает выполнять функцию защиты. Чем масштабнее коррупционное поражение социума, тем серьезнее негативные последствия и от самой коррупции, и от радикальных антикоррупционных акций, тем труднее государственному руководителю решиться на реализацию тотальной антикоррупционной стратегии. И это лишь одно из препятствий. По факту их гораздо больше.

Рассмотрение названной проблемы предполагает системный подход к анализу ситуации, в которой формируется стратегия антикоррупционной деятельности, а также к анализу факторов, детерминирующих эффективность этого процесса. Изучение коррупции целесообразно проводить с опорой на фундаментальные социологические закономерности, выполняющие в рамках данного исследования методологические функции.

Результаты исследования

Объективная логика тотальных антикоррупционных акций требует создания мощного карательного механизма, который со временем обретает относительную автономию и превращается в один из главных факторов государственной политики. Самое драматичное то, что в тотально коррумпированном социуме и этот антикоррупционный карательный государственный механизм не застрахован от коррупции. На Украине, например, создание специальных

антикоррупционных органов (антикоррупционного бюро, антикоррупционной прокуратуры) практически не отразилось на уровне коррупции в стране, а сотрудники этих органов в одночасье стали самыми богатыми украинцами.

Обеспечение высокой эффективности антикоррупционных акций может привести к более или менее значительному отступлению от презумпции невинности, принципа законности, неприкосновенности частной жизни, что мы уже сегодня наблюдаем в ряде стран Запада¹. Логика эффективности такова, что деятельность, ориентированная на непереносимое достижение определенного результата, легко преодолевает любые барьеры. Сверхцелеустремленности тесно не только в правовых рамках, но и в рамках нравственности, религиозности, человечности. Причем отойти от правовых принципов легко, а вот вернуть социальную жизнь в правовое поле после таких отступлений удастся далеко не сразу².

В то же время реализация масштабной антикоррупционной стратегии, основанной на использовании радикальных правовых мер и ориентированной на тотальное очищение общества от коррупции, на первый взгляд кажется очень привлекательной. Изучение общественного мнения по этому вопросу показывает удивительное социальное единство. Несомненно, государственный руководитель в ходе стратегического планирования должен принимать во внимание общественное мнение. Однако, кроме общественного мнения, надо учитывать и ряд других важных обстоятельств.

В борьбе с коррупцией обычно реализуются такие стратегии:

- инертная;
- выборочная;
- стратегия соглашения;
- зональная;

¹ В США, например, обязанность доказывания правомерности приобретения активов уже многие десятилетия лежит на обвиняемом. Аналогичные новации в 2017 г. установлены и в Великобритании. От тайны вкладов в странах Запада также отказались уже много лет назад. Сингапурский антикоррупционный опыт часто идеализируется, а вот об устранении крупных коррупционеров в этой стране без суда и следствия мало кому известно – об этой стороне сингапурской антикоррупционной практики предпочитают не распространяться.

² Нередко это приводит к отстранению силовиками от власти того руководителя, который инициировал реализацию тотальной антикоррупционной стратегии.

- региональная;
- стратегия тотального очищения общества от коррупции.

Инертная стратегия не предусматривает принятия действенных антикоррупционных мер. Она не ориентирована на снижение уровня коррупции. В отдельных случаях даже не может обеспечить ее стабилизации на приемлемом уровне.

Инертная стратегия обычно избирается слабым политическим деятелем, пришедшим на смену сильному. Такой руководитель использует социальный капитал, потенциал социального порядка и организации, сформированный предшественником. Данную стратегию нельзя назвать оптимальной, но в том или ином социальном контексте она не всегда бывает деструктивной. Например, эта стратегия, избранная Н. С. Хрущевым, в послесталинском обществе была не столь уж губительна. А вот в брежневском варианте она уже заложила основы разрушения государства и распада страны. Ельцинский вариант этой стратегии, скорее, был ориентирован на интересы зарубежных государств (что было задекларировано министром иностранных дел того периода Козыревым) [11].

Этот вариант был наиболее деструктивным. Бывший в то время мэром Москвы Г. Х. Попов даже предложил легализовать коррупцию и установить тарифы для взяточников – узаконить определенные размеры взятки для должностных лиц различных категорий за те или иные коррупционные деяния [12]. В последующем он развил свою идею – предложил обложить взяточников налогами. Коррупция обрела статус высокой и даже чрезвычайной угрозы национальной безопасности. Государство было на грани распада.

Корректно выделить три варианта инертной стратегии:

- базовый вариант (Хрущев, Брежнев);
- инертная стратегия, маскирующая деструктивную активность, ориентированную на причинение ущерба национальной безопасности (Ельцин)³;
- инертная стратегия, сочетающаяся с информационной и законодательской антикоррупционной вуалью (Медведев)⁴.

³ Этот вариант корректно было бы назвать стратегией попустительства.

⁴ Медведевский вариант – это, по существу, трансформация инертной стратегии в выборочную.

Выборочная стратегия отличается от инертной лишь тем, что неэффективные антикоррупционные меры сочетаются:

- с выборочным привлечением к уголовной ответственности некоторых высокопоставленных должностных лиц⁵ (как правило, уголовное наказание при этом назначается условно);

- яркой антикоррупционной информационной кампанией, позволяющей имитировать антикоррупционный успех;

- принятием на законодательном уровне претенциозных, масштабных и малоэффективных правовых мер (что характерно для медведевского антикоррупционного стиля).

Стратегия соглашения основана на заключении государственным руководством явной или завуалированной договоренности с политической и экономической элитой страны о коррупционных пределах, выход за которые может повлечь ответственность. Например, при реализации проекта, на который выделены бюджетные средства, могут быть выдвинуты такие условия:

- сметная стоимость проекта в ходе реализации может быть увеличена, но до определенных пределов (кратность увеличения не должна превышать заранее оговоренную цифру);

- недостачи не могут превышать установленного процента сметной стоимости;

- определенная часть доходов субъекта договоренности должна расходоваться в соответствии с заранее оговоренной установкой.

С позиций уголовного права и высокой нравственности такой подход к противодействию коррупции может вызвать исключительно негативное отношение. Реальная политическая практика детерминирует иную логику и иные установки.

К названной стратегии прибегают в условиях слабости государственной власти и значительных масштабов коррупционной пораженности всех сфер социума. В отдельных случаях эта стратегия может оказаться единственным способом хоть как-то поставить под контроль коррупционные процессы. Объективная оценка этой стратегии возможна лишь

⁵ Тех, кто допустил нарушение внутриэлитарных норм поведения, а также тех, у кого фиксируется наиболее низкий рейтинг результативной деятельности.

на основе системного анализа. Если данная стратегия является отправным пунктом реализации глобальных антикоррупционных проектов – это одно. А вот если она избрана в качестве основной и единственной на длительный срок – это совсем другое дело.

Сущностные аспекты стратегии соглашения таковы:

– она является вариантом государственного контроля коррупции и стабилизации ее на некотором уровне, который определяется исходя из тех или иных рациональных расчетов, учитывающих национальные интересы, а также баланс коррупционных и антикоррупционных сил;

– при грамотном расчете и твердости в реализации такой стратегии позитивная динамика баланса сил изначально запрограммирована – и лишь при этом условии она может именоваться фактором антикоррупционной политики;

– по мере усиления государственности и изменения баланса сил уровень требований со стороны государства, как правило, начинает возрастать. На основе соглашений коррупционеры могут быть изгнаны из определенных социальных сфер (и даже регионов), а уровень коррупционной угрозы существенно понижен.

Зональная стратегия основана на существенном очищении от коррупционных проявлений отдельных сфер социальной жизни:

– сферы обеспечения государственной безопасности;

– сферы обеспечения обороны;

– некоторых отраслей промышленности и др.

Зональная стратегия позволяет существенно снизить уровень коррупционной угрозы без радикальных перемен в политической, правовой и социальной сферах. Одновременно зональная стратегия может рассматриваться как подготовительная – создание условий для реализации стратегии тотального очищения общества от коррупции.

Региональная стратегия предполагает значительное очищение от коррупции отдельных регионов (районов, областей, краев, республик). В определенном ракурсе региональная стратегия может рассматриваться как подготовительная фаза реализации стратегии тотального очищения общества от коррупции – своего рода проба пера и одновременно подавление коррупции в тех регионах, где она обрела угрожающие

масштабы и где ее проявления в наибольшей мере угрожают национальной безопасности (региональная зональность).

Стратегия тотального очищения общества от коррупции – путь к социальному идеалу. Однако путь этот, по образному выражению М. Е. Салтыкова-Щедрина, «лежит не через манную кашу»⁶. Реализация ее требует определенных социальных предпосылок, политической воли и политического искусства. Антикоррупционная практика, основанная на этой стратегии, детерминирована определенной социально-политической логикой.

В соответствии с нашей гипотезой избрание определенной стратегии детерминируется факторами, к числу которых относятся:

1. Антикоррупционная устремленность политического руководства.

2. Восприимчивость государственной правовой системы и законодательного механизма к принятию на законодательном уровне эффективных правовых мер противодействия коррупции.

3. Уровень коррумпированности правящей элиты.

4. Готовность правящей элиты блокировать антикоррупционные меры государственного руководства.

5. Умение государственного руководства преодолевать создаваемые правящей элитой препятствия в реализации антикоррупционной стратегии (в том числе препятствия, созданные с опорой на зарубежную поддержку).

6. Способность политического лидера сформировать:

– систему эффективных мер очищения общества от коррупции;

– государственный аппарат, способный реализовать действенные меры антикоррупционного противодействия.

7. Параметры социально-политической обстановки в стране.

Уровень антикоррупционной устремленности государственного руководства – базовый фактор. Нулевому уровню соответствует стратегия попустительства. Низкому уровню – инертная стратегия. Среднему – выборочная стратегия. Высокий уровень

⁶ Салтыков-Щедрин М. Е. История одного города. М., 2009. С. 61.

антикоррупционной мотивации предполагает ориентацию на серьезные позитивные результаты.

Высокий уровень антикоррупционной устремленности имеет не только социально-психологическую, или нравственную, природу. Есть еще один значимый фактор – **политический антикоррупционный рационализм государственного руководства**. Сущность этого феномена заключается в следующем:

1) здоровые амбиции государственного руководителя программируют его установку на обретение суверенности и на приемлемый вариант поствластного бытия. Коррупционная доминанта исключает суверенитет политического лидера – она формирует олигархат, отрицающий приоритет государственного руководителя в реальной политической практике;

2) объективная логика тотальной государственной коррумпированности детерминирует утрату высшим руководителем политической власти (сопряженную с негативным поствластием):

– то ли в силу распада государства (вариант Горбачева);

– то ли в силу социальных протестов (вариант Януковича);

– то ли в силу отторжения государственного лидера правящей элитой (вариант Ельцина).

Исторические и личные перспективы руководителя, утратившего власть в результате акций, детерминированных коррупцией, непривлекательны. Значительные материальные ценности, включенные в активы такого руководителя, не спасают. Более того, иногда им приходится зарабатывать на свое существование рекламой пиццы (Горбачев). Не говоря уже о трагедии царской семьи. При таком раскладе разумному государственному руководителю есть ради чего бороться с коррупцией.

Восприимчивость государственной правовой системы и законотворческого механизма к принятию на законодательном уровне эффективных жестких мер противодействия коррупции – важное условие реализации стратегии тотального очищения социума от коррупции. Выступая в 2012 г. с президентским посланием палатам Федерального Собрания РФ, В. В. Путин попросил законодателей поддержать законодательные предложения об ограничении прав чиновников и политиков на зарубежные счета, ценные бумаги и акции. Это было встречено аплодисментами, на что Президент заметил: «Подождите аплодировать.

Может, вам не все понравится еще»⁷. Дальнейшее развитие событий показало, что аплодисменты – это не более чем антикоррупционная вуаль. Меры, предложенные В. В. Путиным, не были реализованы на законодательном уровне в полном объеме. Законодатель оказался не готов к борьбе с коррупцией. Выяснилось, что многие депутаты и высшие должностные лица обременены значительной зарубежной собственностью (квартиры, гостиницы, магазины и т. п.).

Уровень коррумпированности правящей элиты может исключать реализацию эффективной антикоррупционной стратегии. Афоризмом стал вопрос американского политолога З. Бжезинского, обращенный к российским политологам и политикам: «Россия может иметь сколько угодно ядерных чемоданчиков, но, поскольку 500 млрд долларов российской элиты лежат в наших банках, вы разберитесь: это ваша элита или уже наша?»⁸

Выступая в марте 2014 г. с президентским Посланием В. В. Путин по отношению к таким перевертышам употребил термин «пятая колонна». В реализации стратегии коррупционной войны против России зарубежными руководителями отводится важная роль пятой колонне. Напомним, что в первые годы президентства В. В. Путина Совет при Президенте РФ по борьбе с коррупцией возглавлял Председатель Правительства РФ М. М. Касьянов. В. В. Путин во время одной из встреч с журналистами обвинил М. М. Касьянова в причастности к коррупции высшего уровня (он даже назвал кличку экс-руководителя высшего антикоррупционного органа – «Миша-два процента») ⁹.

Готовность правящей элиты блокировать антикоррупционные меры государственного руководства. Коррумпированная элита страны понимает, что реальная борьба с коррупцией – предвестник ее гибели. Ее идеал – реализация инерционной или как максимум выборочной стратегии. Ради самосохранения она готова жертвовать отдельными элитариями. Залогом выбора приемлемой антикоррупционной стратегии является управляемость государственного руководителя. Государственный руководитель с высо-

⁷ Послание Президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию // Российская газета – Столичный выпуск. 2016. № 7142 (274). 1 декабря.

⁸ URL: <http://mosmonitor.ru/> (дата обращения: 10.08.2018).

⁹ URL: https://www.youtube.com/watch?v=EJGb_c7Xz3A (дата обращения: 10.08.2018).

кой антикоррупционной мотивацией очень опасен для них. При приходе такого лица к власти элитные кланы все усилия направляют на лишение его властных полномочий. В нашей стране такие попытки в отношении В. В. Путина предпринимались неоднократно, однако все они заканчивались неудачами.

Диалектический подход показывает, что коррумпированность национальной элиты при грамотном подходе государственный руководитель может сначала трансформировать в фактор ее управляемости и послушности¹⁰, а затем в фактор ее деструкции. Надо отдать должное зарубежным санкциям в отношении отечественных коррупционеров – они являются хорошим подспорьем нашему государственному руководству. Постепенная деструкция коррумпированной элиты, исключая травмирующие социум массовые репрессии, – в этом заключается искусство политика и умение государственного руководства преодолеть создаваемые правящей элитой препятствия в реализации антикоррупционной стратегии (в том числе препятствия, опирающиеся на зарубежную поддержку). Одним из слагаемых этого умения является способность государственного руководства сформировать правовые меры очищения общества от коррупции и государственный аппарат, способный реализовать эффективные меры антикоррупционного противодействия. Есть немало оснований полагать, что создание Федеральной службы Национальной гвардии, подчиненной непосредственно Президенту Российской Федерации, – один из шагов в этом направлении.

Параметры социально-политической обстановки в стране определяют:

- во-первых, возможность (необходимость) реализации той или иной антикоррупционной стратегии;
- во-вторых, характер реализации антикоррупционной стратегии, этапы этой реализации.

Мы уже отмечали, что тотальная коррумпированность общества диктует выбор стратегии соглашения. Протестные настроения в регионе – избрание региональной антикоррупционной стратегии. Позитивное изменение соотношения сил в элитарной среде может стать условием успеха в реализации зональной стра-

тегии. Реализация стратегии тотального очищения от коррупции сопряжена с некоторыми факторами, которые могут серьезно травмировать социум, что в итоге обернется отрицанием общественной и государственной безопасности¹¹.

К важнейшим параметрам социально-политической обстановки в стране относятся:

- 1) антикоррупционный социальный негативизм:
  - потенциальный (готовность общества к протестам и акциям гражданского неповиновения);
  - актуальный (уровень протестной активности в стране);
- 2) восприимчивость общества к антикоррупционной идеологии (соотношение терпимости и негативизма по отношению к коррупции; а также соотношение носителей готовности одобрить жесткие антикоррупционные меры и лиц, отторгающих такие меры);
- 3) социальная готовность поддержать жесткие антикоррупционные меры (вплоть до участия отдельных представителей общества и государства в реализации жесткой антикоррупционной стратегии). Без такой готовности любые попытки реализовать стратегию тотального очищения социума от коррупции обречены на неудачу.

Уровень коррупции при стратегическом планировании антикоррупционного противодействия корректно исследовать в нескольких ракурсах.

Первый ракурс заключается в учете при выборе стратегии баланса сил. Тотальное коррумпирование государственного аппарата и общественного сознания начинает выполнять по отношению к коррупционерам охранную функцию:

- 1) во-первых, невозможно привлечь к уголовной ответственности всех коррумпированных чиновников в стране:
  - для этого элементарно не хватит мощностей имеющихся юстиционных механизмов;
  - без чиновников (хоть и коррумпированных) в стране начнется хаос;
- 2) во-вторых, в социуме, тотально пораженном коррупционной идеологией, на смену коррумпированным чиновникам могут прийти только те, кто внутренне готов коррумпироваться.

¹⁰ Напомним строки из «Войны и мира»: «Кутузов как опытный погонщик знал, что кнут лучше держать поднятым, нежели непрерывно хлестать им».

¹¹ В этом ракурсе достаточно вспомнить, сколь значимым фактором разрушения СССР была грамотно препарированная информация о сталинских репрессиях.

В такой системе детерминант коррупция начинает претендовать на статус не только неприступной крепости, но и на статус непобедимого врага, с которым нет смысла бороться, с которым более правильным будет сотрудничество. Весьма актуальной становится стратегема: «Если социальный процесс нельзя пресечь или заблокировать, его надо возглавить».

Известно, что распутать гордиев узел невозможно. А найдется ли герой, способный его разрубить? И найдется ли у него чем разрубить?

Разрубить гордиев узел – это красивый афоризм. Одно движение – и нет проблемы. Реальность же такова, что одним движением с коррупцией справиться невозможно. Более того, неосторожное движение может привести к негативным последствиям, которые существенно превзойдут коррупционную угрозу.

Стратегия государственного воздействия на коррупцию зависит от политических целей руководителя страны и от политических установок той части правящей элиты, которая обеспечивает его главенство. При всем разнообразии политических стратегий их можно классифицировать следующим образом:

1. Стратегии руководства, утратившего или утрачивающего политическую субъектность.
2. Стратегия руководства, обеспечивающего стабильность (на низком, среднем или высоком уровнях).
3. Стратегия руководства, восстанавливающего или укрепляющего политическую субъектность.

Наиболее сложной является стратегия обретения страной политической субъектности. Суть коррупционной войны в том и заключается, что при определенном уровне коррупции страна неминуемо утрачивает и политическую субъектность, и способность к ее возрождению. Соответственно, указанная стратегия предполагает введение коррупции в определенные рамки, в определенные параметры, позволяющие ставить сложные политические цели. И самое главное – достигать их [13].

Реализация такой стратегии начинается в самых неблагоприятных стартовых условиях. Отправной точкой ее формирования является политическая воля руководителя. Конечно, одной политической воли недостаточно. Политическая воля лидера может стать инструментом для преобразования социума лишь при условии поддержки со стороны элитарных групп.

Схемы реализации этой стратегии далеки от классических разработок. Главными инструментами

введения коррупции в заданные рамки выступают символические кнут и пряник. В роли кнута у знаменитого сингапурского лидера Ли Куан Ю, например, выступали и угрозы, и физическое насилие, и устранения, и уголовное преследование [14]. Российский «кнут» более цивилизованный. Привлечение к уголовной ответственности ряда губернаторов и министра экономики – это кнут. Законодательный запрет для чиновников на счета в зарубежных банках – это тоже кнут. Тотальная зачистка коррупционеров в Дагестане в феврале 2018 г. вполне может претендовать на региональный вариант итальянской операции «Чистые руки». В качестве пряника может рассматриваться индульгенция на завуалированную, «окультуренную» и «облагороженную» коррупцию¹² – уровень, который не исключает усиления страны и не препятствует обретению политической субъектности.

Такие правовые принципы, как неотвратимость наказания или равенство всех перед законом, в тотально коррумпированном государстве не могут быть реализованы. Отказываться от них публично было бы политической ошибкой, а попытка реализовать их на практике в тех сложных стартовых условиях, о которых упоминалось ранее, имела бы лишь негативные последствия. Это не только затруднит реализацию антикоррупционной стратегии, но, пожалуй, может сделать ее невозможной. Таковы реалии антикоррупционной политики. Они существенно отличаются от антикоррупционных идеалов.

Второй ракурс исследования уровня коррупции заключается в анализе того, насколько велика коррупционная угроза национальной безопасности. Низкая угроза – это социальный идеал, при котором коррупция практически не влияет на уровень национальной безопасности. Угроза среднего уровня снижает уровень национальной безопасности, но незначительно. Угроза государственному суверенитету и военной безопасности со стороны коррумпированных должностных лиц отсутствует. Угроза высокого уровня существенно снижает уровень национальной безопасности (в том числе создает угрозу государственному суверенитету, военной безопасности и иным элементам ядра национальной безопасности). Угроза чрез-

¹² Заморозка законопроекта о криминализации незаконного обогащения (ст. 20 Конвенции ООН против коррупции).

высшего уровня детерминирует высокий уровень вероятности утраты государственного суверенитета, государственной и общественной безопасности.

Опыт борьбы с коррупцией показывает, что социально приемлемой стратегией жестких и сверхжестких мер оказывается лишь на фоне обретения коррупцией статуса угрозы национальной безопасности высокого или чрезвычайного уровня. Причем следует учитывать, что социальная реакция на жесткие и сверхжесткие антикоррупционные меры зависит не только от реального уровня коррупционной угрозы, но и от информационного сопровождения политической деятельности. В информационной сфере чрезвычайность коррупционной угрозы должна быть убедительно обоснована. Успешное информационное обеспечение антикоррупционной стратегии – главное условие социального одобрения и социальной поддержки эффективной антикоррупционной государственной политики.

Выводы

Существует еще одна закономерность в сфере противодействия коррупции. В обществе, где коррупция обретает статус угрозы национальной безопасности высокого или даже чрезвычайного уровня, государственным руководителем должно быть лицо с высоким уровнем антикоррупционной устремленности. Высокий уровень коррупции – это криминальный вызов не только государству, но и всему обществу, стране. Общество должно обеспечить адекватный ответ – тогда страна и народ обретают право на будущее. Если общество оказывается неспособным найти достойный ответ на коррупционный вызов, реальностью становится драматичная перспектива.

Что значит адекватный ответ на коррупционный вызов? Если уровень антикоррупционной мотивации у государственного руководителя средний или даже низкий, общество должно найти способ заменить его

на лицо с антикоррупционной мотивацией высокого уровня. Институт выборов – оптимальный инструмент конституционного обеспечения национальной безопасности. Теоретически – да. На практике этот институт часто дает сбой. Причина этого и в низкой политической культуре народа, и в изоэлитности политических элит, которые сформировали немало механизмов блокирования национальных интересов в процессе реализации гражданами избирательного права.

Что же остается? Право народа на восстание? К сожалению, и здесь политические элиты научились оборачивать результаты восстания в свою пользу – коррумпированного лидера в результате восстания заменяют на сверхкоррумпированного, а уровень коррупционной угрозы в результате такой протестной акции может многократно возрасти. Современная Украина в этом плане – великолепный учебный демонстрационный феномен.

Обретение народом политической культуры и способности к рациональной социальной организации представляется единственным лекарством и от коррупционной болезни социума, и от традиционного для русского народа бунта («бесмысленного и беспощадного»). Роль науки в этом процессе трудно переоценить. На научной основе должна формироваться политическая культура народа. Социологические и политологические исследования могут представить политическому руководству данные, которые позволят грамотно спланировать и реализовать антикоррупционную стратегию. Особую актуальность в этом ракурсе обретают исследования на стыке криминальной политологии и политической криминологии. Теория национальной безопасности должна вооружить и политическое руководство, и народ методиками анализа уровня политической угрозы – и государство, и гражданское общество должны сотрудничать в этой сфере.

Список литературы

1. Волеводз А. Г. Криминализация корпоративной ответственности на примере ответственности за коррупцию как проблема политической практики // Теории и проблемы политических исследований. 2017. Т. 6. № 6А. С. 79–90.
2. Долгова А. И. Реагирование на коррупцию: практика противодействия в России и направления оптимизации борьбы // Коррупция: состояние противодействия и направления оптимизации борьбы: сб. трудов конференции. Российская криминологическая ассоциация. 2015. С. 7–24.
3. Кабанов П. А. Политическая коррупция в России: понятие, сущность, причины, предупреждение. Нижнекамск: Нижнекамский филиал Московского гуманитарно-экономического института, 2004. 174 с.

4. Кочарян К. С. Коррупция как угроза для национальной безопасности страны (уголовно-правовое воздействие на коррупцию) // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2018. № 1 (32). С. 22–24.
5. Купряева М. Н., Сотникова И. Н., Краснослободцева А. Е. Электоральная коррупция как фактор снижения коррупции в РФ // Инновационные достижения науки и техники АПК: сборник научных трудов Международной научно-практической конференции. 2017. С. 357–361.
6. Ледашев С. В. Об отдельных направлениях борьбы с коррупцией (по материалам заседания Совета по противодействию коррупции при Президенте РФ) // Ученые записки. 2016. № 1 (17). С. 203–204.
7. Лунеев В. В. Коррупция в России // Государство и право. 2007. № 11. С. 20–27.
8. Нисневич Ю. А. Политика и коррупция: коррупция как фактор мирового политического процесса. Сер. 28: Актуальные монографии. 1-е изд. М., 2017. 240 с.
9. Номоконов В. А. Борьба с коррупцией как приоритет антикриминальной политики // Криминологическая ситуация и реагирование на нее. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2014. С. 169–176.
10. Шестаков Д. А. С какой именно коррупцией мы намерены бороться? // Актуальные проблемы экономики и права. 2011. № 3 (19). С. 265–268.
11. Примаков Е. М. Встречи на перекрестках. М., 2015. 212 с.
12. Юрьев Д. Кто с кем? // Аргументы и факты. 1995. № 46. 16 ноября.
13. Мухин А. А. Испытание Кремля. Диагностика политической системы. М., 2015.
14. Сиротин А. Опыт борьбы с коррупцией в Сингапуре. URL: http://communitarian.ru/publikacii/strategicheskoe_upravlenie/opyt-borby-s-korruptsiej-v-singapore-lechenie-zaraznoj-zhadnosti_13032017/ (дата обращения: 28.08.2018).

References

1. Volevodz A. G. Criminalization of corporate liability by the example of liability for corruption as a problem of political practice, *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy*, 2017, Vol. 6, No. 6A, pp. 79–90 (in Russ.).
2. Dolgova A. I. Responding to corruption: practice of counteraction in Russia and direction of struggle optimization, *Corruption: state of counteraction and directions of struggle optimization: proc of conference*, Russian Criminological Association, 2015, pp. 7–24 (in Russ.).
3. Kabanov P. A. *Political corruption in Russia: notion, essence, causes, prevention*, Nizhnekamsk, Nizhnekamskii filial Moskovskogo humanitarno-ekonomicheskogo instituta, 2004, 174 p. (in Russ.).
4. Kocharyan K. S. Corruption as a threat to national security of the country (criminal law impact on corruption), *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta*, Ser.: Yuridicheskie nauki, 2018, No. 1 (32), pp. 22–24 (in Russ.).
5. Kupryaeva M. N., Sotnikova I. N., Krasnoslobodtseva A. E. Electoral corruption as a factor of reducing corruption in RF, *Innovative achievements of science and technology of agrarian-industrial complex: collection of works of International scientific-practical conference*, 2017, pp. 357–361 (in Russ.).
6. Ledashchev S. V. On certain directions of struggle against corruption (by the materials of a meeting of Council for corruption counteraction at the RF President), *Uchenye zapiski*, 2016, No. 1 (17), pp. 203–204 (in Russ.).
7. Luneev V. V. Corruption in Russia, *Gosudarstvo i pravo*, 2007, No. 11, pp. 20–27 (in Russ.).
8. Nisnevich Yu. A. *Politics and corruption: corruption as a factor of the global political process*, Ser. 28: Aktual'nye monografii, 1-e izd., Moscow, 2017, 240 p. (in Russ.).
9. Nomokonov V. A. Bor'ba s korruptsiei kak prioritet antikriminal'noi politiki, *Criminological situation and responding to it*, Moscow, Rossiiskaya kriminologicheskaya assotsiatsiya, 2014, pp. 169–176 (in Russ.).
10. Shestakov D. A. Which exactly corruption do we intend to fight?, *Actual Problems of Economics and Law*, 2011, No. 3 (19), pp. 265–268 (in Russ.).
11. Primakov E. M. *Meetings at crossroads*, Moscow, 2015, 212 p. (in Russ.).
12. Yur'ev D. Who is with whom?, *Argumenty i fakty*, 1995, No. 46, 16 noyabrya (in Russ.).
13. Mukhin A. A. *Testing the Kremlin. Diagnostics of political system*, Moscow, 2015 (in Russ.).
14. Sirotin A. *Experience of struggling against corruption in Singapore*, available at: http://communitarian.ru/publikacii/strategicheskoe_upravlenie/opyt-borby-s-korruptsiej-v-singapore-lechenie-zaraznoj-zhadnosti_13032017/ (access date: 28.08.2018) (in Russ.).

Дата поступления / Received 06.09.2018

Дата принятия в печать / Accepted 20.11.2018

Дата онлайн-размещения / Available online 25.12.2018